

Т. Ф. ВОЛКОВА

Особенности сюжета Повести о казанском походе в «Истории» А. М. Курбского

(К вопросу о беллетризации
историко-публицистического повествования в XVI в.)

Одной из насущных историко- и теоретико-литературных проблем в изучении древнерусской литературы в ее движении к литературной системе нового времени является проблема развития сюжетного повествования в средневековых литературных памятниках. Менее всего она изучена применительно к историко-публицистическому повествованию XVI в. В коллективной монографии «Истоки русской беллетристики»,¹ до сих пор являющейся единственным исследованием, в котором прослеживаются общие тенденции в развитии сюжетного повествования Древней Руси, была высказана мысль о том, что авторы исторических сочинений XVI в. не внесли ничего нового в развитие древнерусской сюжетной прозы, что присущая историческим произведениям XVI в. занимательность проявлялась лишь на уровне фабулы и не затрагивала сюжет, что сюжетные сцены были в этих произведениях «чужеродным явлением», так как не вытекали из авторской «концепции действительности».² Однако конкретный анализ текста таких значительных историко-публицистических произведений XVI в., как «Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича», «Казанская история» и «История о великом князе Московском» А. М. Курбского, позволяет иначе взглянуть на эту проблему. Ранее мы уже касались вопроса об особенностях сюжетного повествования в «Летописце начала царства» и «Казанской истории».³ В данной статье под тем же углом зрения будет рассмотрена повесть о казанском походе 1552 г. (далее — ПКП), входящая в состав «Истории» Курбского.⁴ ПКП до сих пор не была предметом специального изучения как единое художественное целое и рассматривалась лишь в общих работах, посвященных «Истории». В немногих исследованиях, содержащих анализ художественного своеобразия сочинения Курбского, рассматривается общая художественно-публицистическая концепция, лежащая в его основе, исследуются проблемы жанра, стиля, композиции

¹ Истоки русской беллетристики: Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970.

² См. главу 10 «Судьба беллетристики в XVI в.» (автор — Я. С. Лурье), с. 435.

³ Волкова Т. Ф. 1) «Казанская история» и историко-публицистическое повествование Московской Руси второй половины XVI в.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1982, с. 11—13; 2) Проблема авторской позиции в историко-публицистическом повествовании XVI в. (на материале сочинений современников о взятии Казани в 1552 г.). — В кн.: Стиль и идеология. (Активность авторского повествования). Сыктывкар, 1984, с. 17, примеч. 24.

⁴ Жанровое определение этой части «Истории» принадлежит самому А. М. Курбскому. См.: Сочинения князя Курбского, т. 1. — РИБ, СПб., 1914, т. 31, с. 173. ПКП цитируется далее по этому изданию, страницы указываются в тексте в скобках.

«Истории».⁵ Вопрос о наличии и характере сюжета в составляющих «Историю» повествованиях (о казанской и лифляндской войне, о преподобном Феодорите, о «новоизбиенных мучениках») до сих пор не ставился. Прежде чем обратиться к анализу сюжетного повествования в ПКП, вкратце напомним итоги ее изучения.

Последнее по времени монографическое исследование «Истории» Курбского как литературного памятника принадлежит К. А. Уварову, определившему жанр ПКП, ее место в общей композиции «Истории» и функцию в реализации идейно-художественного замысла Курбского.⁶ В основу «Истории», как показывает К. А. Уваров, опирающийся на исследование предшественников, была положена популярная в публицистике XVI в. концепция о «мудрых советниках», по которой царь для успешного управления страной должен искать совета у «мудрых мужей» — бояр и воевод. Подчиненность «Истории» одной идее обусловила, с точки зрения К. А. Уварова, ее жанровое своеобразие, состоящее в соединении внутри единой жанровой структуры произведений нескольких жанров (воинской повести, синодика, конгломерата жития с исторической биографией, похвалы, плача),⁷ между которыми существует определенная иерархическая зависимость: объединяющему жанру — «истории» — подчинены вторичные — «повесть», «похвала», «синодик» и т. д. Идеинная направленность памятника и его политическая ориентация определили, считает К. А. Уваров, и своеобразие композиции «Истории». Повествование в ней делится на две части: в первой идеализированно изображена деятельность «избранной рады», во второй как время кровавых казней предстает эпоха опричнины. ПКП является составным элементом первой части композиции: события успешной для русских казанской кампании, освещаемые в соответствии с теорией о «мудрых советниках», предстают в «Истории» как апогей деятельности «избранной рады». Художественная функция ПКП состоит, по мысли К. А. Уварова, в иллюстрации политической идеи о благотворном влиянии на «естество» молодого Грозного его мудрых советников, благодаря которым стала возможной победа над «сарацинской» Казанью.

В жанровом отношении ПКП была охарактеризована исследователем как военно-публицистическая повесть. Однако анализ текста ПКП позволяет уточнить ее жанровую характеристику. Рассказ о казанском походе 1552 г. в «Истории» Курбского — это прежде всего рассказ активного участника описываемых событий. Курбский прямо указывает на его ограниченность рамками мемуарного повествования:⁸ «Да свидѣтельствуеть кождый о себѣ; азъ же, что предъ очима тогда имѣхъ и дѣлахъ, повѣмъ истинну вкратцѣ» (с. 194). Свою позицию мемуариста Курбский подчеркивает противопоставлением своего фрагментарного повествования подробному рассказу «летописца», «широко» повествующего о всех об-

⁵ См., например: Лихачев Д. С. Стиль произведений Грозного и стиль произведений Курбского. (Царь и «государев изменник»). — В кн.: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979, с. 202—213; Уваров К. А. Князь А. М. Курбский — писатель («История о великом князе Московском»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1973.

⁶ См.: Уваров К. А. Князь А. М. Курбский — писатель, с. 12—18.

⁷ Ср. определение причин «многожанровости» «Истории» Курбского Д. С. Лихачевым: «Курбский, даже не стремясь к новшествам, разрушал жанровую систему древнерусской литературы. Это происходило потому, что... он поставил себе задачей развенчание Грозного, но не мог это выполнить в привычных схемах одного жанра. Он обращался то к одному жанру, то к другому и в результате невольно создал произведение, вышедшее за границы любого из древнерусских жанров» (Стиль произведений Грозного и стиль произведений Курбского, с. 210).

⁸ На превращение в этой части «Истории» «кроники» в мемуары обратил внимание Д. С. Лихачев (см.: Лихачев Д. С. Стиль произведений Грозного и стиль произведений Курбского, с. 209).

стоятельствах казанского похода.⁹ Упомянув о постройке русскими высокой башни для обстрела Казани, Курбский замечает: «А яко ее ставлено, и яковымъ обычаемъ и иные различные стѣнобитные хитрости творено, сие оставляю . . . бо широкѣ въ лѣтописной Руской книзе о томъ писано» (с. 193).

Таким образом, с точки зрения самого автора «Истории», ПКП является не просто «воинской повестью», как определяет ее жанр К. А. Уваров. Это прежде всего воспоминания о том, что автор имел «предѣ очима» и в чем он непосредственно участвовал. Следовательно, художественный замысел Курбского состоял в том, чтобы, представив свой рассказ как мемуарное повествование, придать тем самым достоверность всем содержащимся в нем фактам и описаниям. Мемуарный характер повествования предоставлял автору и свободу в выборе фабульного материала, освобождая от необходимости последовательно освещать все события казанского похода.

Эта мемуарная свобода была в полной мере использована Курбским. В результате целенаправленного отбора им документальных фактов, соединенных в продуманной последовательности с вымышленным материалом и тенденциозными авторскими характеристиками и оценками, в этой части «Истории» создается, как мы постараемся показать ниже, своеобразный локальный сюжет, который мы для удобства дальнейшего анализа условно назовем мемуарным.

Художественное своеобразие этого мемуарного сюжета выявляется при сопоставлении повествования Курбского о казанском походе 1552 г. с аналогичным по фабуле материалом «Летописца начала царства» (далее: ЛНЦ) и «Казанской истории» (далее: КИ). Приведем кратко наши выводы о характере сюжета повествований ЛНЦ и КИ о взятии Казани.

В ЛНЦ, отразившем первый этап перехода от традиционного жанра летописи к новому жанру историко-публицистической повести, начавшегося в первой половине XVI в. и завершившегося уже в следующем столетии,¹⁰ в отличие от предшествующих летописных сводов весь документальный и вымышленный материал уже организован составителем в единый сюжет, служащий реализации художественно-публицистического замысла автора, — создать идеализированный образ Ивана IV, показав его выдающимся государственным деятелем и талантливым полководцем. Этот тип сюжета мы условно называли летописным. Задача выдвигения в ЛНЦ на первый план повествования фигуры Ивана Грозного привела к своеобразной моноцентрической композиции. Основную сюжетную линию в «Летописце» составляет рассказ о событиях, в которых непосредственно участвует главный герой повествования — Иван Грозный. К этой основной сюжетной линии по хронологическому принципу подключаются побочные сюжеты, развивающиеся либо в рамках авторского повествования (рассказ о выполнении конкретных распоряжений Грозного), либо вне его — в стилистически не переработанной документальной форме: в виде донесений, депеш, посланий. Разнообразные события и факты в ЛНЦ как бы нанизываются на некий стержень — рассказ о жизни московского самодержца, в котором центральное место занимает повествование о казанском походе 1552 г. Однако ЛНЦ еще во многом остается летописью, и сюжет в нем скован задачами документального, изобилующего историческими подробностями, именами и фактами повествования. Это особенно ощущается при сопоставлении рассказа о взятии Казани в ЛНЦ и КИ.

⁹ По всей видимости, Курбский имел в виду «Летописец начала царства», так как в основных летописных сводах второй половины XVI в. при изложении событий казанского похода 1552 г. используется текст «Летописца начала царства» разных редакций.

¹⁰ См. об этом: Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.: Л., 1947, с. 331—385.

Автор КИ положил в основу своего сюжета идею невинности Ивана Грозного в казанском кровопролитии, изобразив его смиренным и милосердным не только по отношению к своим воинам, но и к врагам-казанцам.¹¹ Автор КИ пытается подвести читателя к такому восприятию героя повести всем ходом своего повествования, организовать сюжет так, чтобы постепенно читателю открывались истинные намерения противоборствующих сторон — московского самодержца, не желающего пролития крови, и «жестокосердых» казанцев, стремящихся к войне. Все события «казанского взятия» образуют в КИ три сюжетные линии, которые можно условно обозначить как «мир», «война» и «божественный промысел» («мир» включает в себя историю неудачных попыток Грозного избежать кровопролития, «война» — историю военных столкновений русских с казанцами в ходе осады, линия «божественного промысла» помогает оценить описываемые события в категориях средневековой религиозной историософии). Эти три сюжетные линии находятся в тексте КИ в сложном переплетении и составляют единое сюжетное целое. В отличие от составителя ЛНЦ автор КИ не стремится к точности и документальности, смело отступая от исторической правды и тенденциозно перерабатывая источники.¹² События осады Казани в еще меньшей степени, чем в ЛНЦ, связываются в КИ по хронологическому принципу; они выстраиваются автором в хорошо продуманную сюжетную цепь, выражающую авторскую концепцию казанской победы как исторически и этически оправданной и «санкционированной» богом.

Иной тип сюжета, также политически тенденциозного, создается А. М. Курбским в его повествовании о взятии Казани. Рассмотрим конкретные приемы создания этого сюжета.

В ПКП последовательно развиваются три сюжетных оппозиционных ряда. В первом — «казанцы—русские воины» — воинское искусство и храбрость казанцев противопоставляются «неразумию», трусости и алчности некоторой части русского воинства, которой, по сюжету ПКП, в свою очередь контрастно противостоит другая его часть — храбрые воины, проявляющие во время осады и взятия Казани ратную доблесть и подлинный героизм (крупным планом среди них Курбский изобразил себя и своего брата). Этот материал образует второй оппозиционный ряд — «избранные храбрецы—корыстовники». Третью оппозицию — «Грозный—Курбский» — составляют эпизоды и отдельные авторские замечания, в которых противопоставляется воинское поведение во время казанского похода Ивана Грозного и самого рассказчика — воеводы Курбского. Выделенные нами оппозиционные ряды в тексте ПКП сложно переплетены и образуют сюжетное единство, отражающее иную, чем в КИ и ЛНЦ, концепцию казанской войны. Рассмотрим, как создаются Курбским указанные сюжетные оппозиции.

1. Оппозиционный ряд «казанцы—русские воины»

Уже в начале своего повествования об осаде, рассказывая об обстоятельствах прибытия русского войска к Казани, Курбский противопоставляет воинскую «хитрость» казанцев «неискусственности» русских воинов.

¹¹ Такая идеализация Грозного преследовала, по-видимому, цель нейтрализовать впечатление современников от кровавых событий первых лет опричнины, когда создавалась КИ.

¹² О работе автора КИ над источниками см.: Моисеева Г. Н. Автор «Казанской истории». — ТОДРЛ, М.; Л., 1953, т. 9, с. 266—288; Волкова Т. Ф. 1) «Казанская история» и троицкие литературные памятники о взятии Казани (К вопросу об историко-литературных особенностях «Казанской истории»). — ТОДРЛ, Л., 1982, т. 37, с. 104—117; 2) «Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича» и Троицкое сочинение о взятии Казани как источники текста «Казанской истории». — В кн.: Древнерусская литература: Источниковедение. Л., 1984, с. 172—187. Ссылки на текст КИ в дальнейшем даются по изданию: Казанская история / Подгот. текста, вступ. статья и примеч. Г. Н. Моисеевой. М.; Л., 1954.

Когда русское войско «со многими благочиниемъ и устроениемъ полковъ» подходило к Казани, казанцы затаились в городе, создавая видимость, что он покинут жителями. Как явствует из дальнейшего повествования, к этой хитрости казанцы прибегли для того, чтобы ввести русских в заблуждение и внезапно напасть на них в стратегически выгодный для себя момент. Хитрость казанцев, как показывает Курбский, в полной мере удалась: увидев город «аки пустъ стоящъ, иже а ни человекъ... слышашеся въ немъ», многие «неискусные» русские воины начали «радоваться о семъ и глаголати, яко избегоша царь и все воинство въ лѣсы, отъ страха великого воиска» (с. 180). Далее Курбский описывает, с каким трудом русским, «съ нуждою» поднимавшимся «прямо на... гору, на Арское поле», удалось отбить первое внезапное нападение казанцев, неожиданно «врезавшихся» в центр передового полка на трудном подъеме.

В последующем повествовании ПКП мотив «хитрости» казанцев продолжает развиваться. Рассказывая о том времени, когда русские были заняты расстановкой вокруг Казани туров, Курбский замечает: «И еще къ тому тогда иную хитрость избобрѣте царь Казанский противъ насъ...» (с. 184). Хитрость эта состояла в том, что черемисские отряды по особому знаку (поднятая над городом «бусурманская» хоругвь) должны были нападать из лесов на русские полки, чем достигалась одновременность действия и лесных, и городских казанцев (с. 185). Курбский подчеркивает, что замысел казанцев в полной мере удался: «...и такъ зѣло жестоце и храбре натекали (казанцы. — Т. В.), яко и вѣре не подобно» (с. 185). В этих словах Курбского заключена его оценка военных действий казанцев, которая отчетливо прослеживается на протяжении всего рассказа ПКП о ходе осады.

Сопоставим описание Курбским первых сражений у стен Казани с соответствующими описаниями КИ и ЛНЦ.

Для автора КИ при описании военных столкновений русских с казанцами важно было не документально-конкретно изложить все подробности этих сражений, но подчеркнуть, что военная инициатива после первого посольства Ивана Грозного к казанцам с предложением сдаться «без крови» исходила от казанцев, а не от русских. Поэтому он опускает конкретные подробности вылазок осажденных и набегов лесной черемисы, заменяя их обобщенным описанием, в котором расставлены необходимые акценты.

Курбский, напротив, в этой части ПКП достаточно последователен, и рассказ его изобилует подробностями. Его повествование о сражениях между горожанами и русскими воинами в начале осады на первый взгляд не противоречит фактам, приводимым в основном историческом источнике по истории «казанского взятия» — ЛНЦ. Однако более тщательное сопоставление ЛНЦ и ПКП обнаруживает в последней иное, чем в ЛНЦ, освещение хода и итогов этих военных столкновений: в большей степени, чем составитель ЛНЦ, Курбский обращает внимание читателей на воинскую доблесть казанцев, одновременно подчеркивая, как тяжело давалась русскому воинству каждая победа.¹³

Описывая столкновения русских с казанцами, Курбский все время как бы уравнивает военные успехи противоборствующих лагерей. Если составитель «Летописца» постоянно вводит в свой рассказ такие детали, которые, с одной стороны, снижают временные успехи казанцев, с другой — подчеркивают доблесть русских воинов, во всех случаях одерживающих над ними победу, то Курбский, напротив, в аналогичных описаниях устраняет из своего рассказа все моменты, усиливающие впечатление от одержанной русскими победы, в действиях же казанцев всячески подчеркивает их ратную «злость». Рассмотрим на конкретном примере, как проявляется указанное различие между повествованием ЛНЦ и ПКП.

¹³ См., например, рассказ о строительстве «шанцев» (с. 184).

В ЛНЦ после сообщения о расстановке воеводой Воротынским туров вдоль городского рва описывается неожиданная вылазка казанцев, приведшая в начале к отступлению русских воинов, но окончившаяся, тем не менее, их победой над казанцами. В ЛНЦ первоначальный успех казанцев мотивируется тем, что русские в момент нападения врага находились в явном меньшинстве, поэтому их бегство получает в глазах читателя некоторое оправдание: «И во время обѣда Руси многие разыдошася исти, а им (казанцам. — *Т. В.*) зряще, что не много людей у туръ, и вылезе изо рву, изо всѣх норъ, из-за тарасовъ внезапно нападоша на туры. Крестияном же дрогнувше, и бежаша от туръ» (с. 102—103).¹⁴ Дальнейший рассказ «Летописца» реабилитирует русских, рисуя доблесть воевод Грозного, в меньшинстве сражавшихся с казанцами, пока на помощь не пришли воины других полков.

Если обратиться к тексту ПКП, некоторую параллель к приведенному фрагменту ЛНЦ составит эпизод, где единственный раз Курбским описывается конкретное военное столкновение русских с казанцами в начальный период осады. Сходными с ЛНЦ мотивами в рассказе Курбского являются: 1) указание на цель вылазки казанцев — нападение на «шанцы» (туры); 2) многочисленность казанского отряда; 3) отступление русских; 4) включение в бой русских воинов из других полков; 5) конечная победа русских. Соотносится с ЛНЦ и общая последовательность событий в рассказе Курбского. Однако акценты Курбским расставлены совершенно иначе, чем составителем ЛНЦ. Во-первых, в рассказе Курбского отсутствует мотив внезапности нападения казанцев; во-вторых, сообщая о многочисленности казанского отряда («аки десять тысячей войска»), Курбский ничего не говорит о количестве русских, находившихся в это время у туров (ср. в ЛНЦ: «не много людей у туръ»); отступление русских, таким образом, мотивируется не численным преимуществом, а ратным искусством казанских воинов: «...и такъ сотвориша сечу злую и жестокую бусурманы на християнъ, уже всѣхъ нашихъ далеко отъ дѣлъ отогнали были...» (с. 185). Иначе, чем составитель ЛНЦ, мотивирует Курбский и перелом в ходе битвы: только прибытие к месту сражения «шляхты» «Муромского повѣту» — самых храбрых и самых родовитых среди русских воинов — заставило казанцев «подати тылъ», в то время как по ЛНЦ перелом в битве наступил благодаря подвигу воевод отступившего полка, в меньшинстве принявших бой с казанцами. Показателен и финал эпизода у Курбского: казанцы погибают не столько под натиском русских воинов, сколько в силу обстоятельств своего отступления — тесноты и давки в городских воротах. «...а они (русские. — *Т. В.*) ажъ до вратъ мѣскихъ сѣкоша, биюще ихъ, и не такъ множество посѣкоша, яко во вратѣхъ подавишася, тѣсноты ради...» (с. 185).

Эта тенденция Курбского, с одной стороны, умалять заслуги русских воинов в победах, которые они одерживали над казанцами в ходе осады, с другой — подчеркивать «тщету» и «скорбь», причиняемые казанцами русскому войску, прослеживается и в других эпизодах ПКП: рассказе о борьбе московских воевод с лесной черемисой, о походе Александра Горбатого к черемисской «засеке» и взятии русскими Арского острога.

По-видимому, введение Курбским в сюжет ПКП данной оппозиции преследовало две цели. Во-первых, показав храбрость казанцев, не раз ставивших русских воинов в ходе осады в трудные условия, разрушить созданную в официозном «Летописце» оптимистическую картину казанской войны, в которой все события осады Казани представляли как цепь побед доблестного русского воинства, одержанных благодаря полководческому таланту Ивана Грозного.¹⁵ Во-вторых, изобразив казанцев как хитрых,

¹⁴ Текст ЛНЦ цитируется по изд.: ПСРЛ, М., 1965, т. 29, с. 9—116.

¹⁵ Намеренное снижение Курбским обобщенного образа русского воинства, вероятно, связано с его эмигрантской позицией, желанием показать русскую армию,

упорных и мужественных бойцов, поднять тем самым в глазах читателей значение личного подвига во время взятия Казани, подробно описанного им в основной части ПКП.

2. Оппозиционный ряд «избранные храбрецы — корыстовники»

Если в рассказе Курбского о начале осады, выполняющем функцию экспозиции, тенденция к умалению воинской доблести осаждающих проявляется еще недостаточно четко и обнаруживается главным образом при сопоставлении повествования Курбского с соответствующими рассказами КИ и ЛНЦ, то в основной части ПКП — рассказе о последнем штурме города — она выходит на поверхность, обнаруживая себя в прямых авторских характеристиках и оценках. При этом происходит распадение одного оппозиционного ряда и образование другого: в экспозиционной части лагерь русских монолитен, здесь сопоставляются «злохитрство» и «прукость» казанской обороны и трудные и не слишком эффектные победы русского воинства. В рассказе о последнем штурме вместо этой оппозиции на первое место выдвигается другая, разбивающая лагерь русских на две неравные части: одну (большую) составляют «корыстовники» — не отличающиеся храбростью русские воины, пекущиеся прежде всего не о воинской чести, а о захвате как можно большего количества казанских драгоценностей; вторую (меньшую) составляют истинные герои «казанского взятия», мужественные воеводы, храбрые воины, среди которых особо выделяются своей отвагой братья Курбские.

Тема раскола в русском лагере намечена Курбским уже в самом начале повествования о последнем штурме Казани. Рассказав о первых успехах своего полка, подошедшего вплотную к казанской «веже» и заставившего казанцев выйти из укрытия и принять бой, Курбский замечает: «И абие могли бы ихъ избити, но много насъ ко штурму (подоша), а мало подъ стѣны градные приидоша: нѣкоторые возвращающеса, множество лежаще и творящеса побиты и ранены» (с. 195).

Далее оппозиция «храбрецы — трусы» получает в рассказе Курбского дополнительное смысловое наполнение: «трусы» превращаются еще и в «корыстовников». Рассказывая о том этапе сражения, когда русские воины (по версии Курбского — воины его полка) наконец прорываются внутрь крепости, Курбский в особом фрагменте описывает поведение той части русского воинства, которая находилась в это время вне города, у стен Казани: «... и лежащая, глаголемая раненые, воскочиша и творящия... мертвыя возкресоша. И со всѣхъ странъ не токмо тѣ, но и съ становъ, и кашавары, и яже были у конехъ уставлены, и друзии, яже и съ куплю приѣхаша; всѣ збегошася во градъ, не ратного ради дѣла, по на корысть многую...» (с. 196).

Таким образом, действия русских воинов в этот кульминационный момент штурма рисуются Курбским, в отличие от автора КИ, не как единый наступательный порыв,¹⁶ а как два разнонаправленных движения: «храбрецы» устремляются на врага, «корыстовники» — на казанские «сокровища».

Приведенное описание действий русских «корыстовников» контрастно оттеняло в ПКП героизм воинов Курбского, которые, по рассказу «Истории», первыми среди русских проникли в город и продолжали мужественно биться с казанцами, даже оставшись в меньшинстве перед лицом врага, «на телесахъ раны уже имуще», в то время как остальное войско было занято добычей казанских «сокровищ».

которую он покинул и против которой выступал на стороне ее врагов, с невыгодной стороны, представив храбрость и воинскую доблесть как качества, присущие лишь отдельным русским воеводам и воинам, а не всему русскому войству в целом.

¹⁶ См. описание штурма в КИ (с. 151).

Дальнейшее повествование Курбского обогащает вторую часть оппозиции «храбрецы—корыстовники» еще одной дополнительной негативной характеристикой — предатели. Курбский прямо связывает с поведением «корыстовников» кризис в ходе штурма, когда перевес в силах оказывается на стороне казанцев, так как «мало не всё (русские воины. — Т. В.) на корысти падоша: мнози... по два кратъ и по три въ станы отхождаху съ корыстыми и паки возвращахуся...» (с. 197). Казанцы, по версии Курбского, увидев, что «христианского войска мало оставляет», «начаша крѣпце налегати», принуждая немногих «безпрестани» бьющихся с ними «храбрыхъ воиновъ» «по нужде» отступать «по малу». Это вынужденное отступление «храбрыхъ мужей» вызвало в рядах «корыстовниковъ» страшную панику, едва не приведшую к полному поражению русских: «Корыстовники же оные предреченные... въ таковое абие бѣгство вдашася, яко и во врата многие не попали; но множайшие и съ корыстыми чрезъ стѣну метались, а иные и корысти повергоша, только вопиюще: „секутъ! секутъ!“» (с. 197). После этого описания внимание читателей снова переключается на «храбрецов»: «Но, за благодатию Божию, храбрымъ сердцемъ не сокрушили» (с. 197). При этом Курбский особо подчеркивает героизм своего полка: «...въ моемъ полку девяносто и осмь храбрыхъ мужей убито, кромѣ раненыхъ; но обаче, благодати ради Божии, устояхомъ на нашей сторонѣ сопротивъ ихъ неподвижны» (с. 197).

Интересно сопоставить художественное раскрытие темы казанских «корыстей» Курбским и автором КИ. Если для Курбского важно было в рассказе о решающем штурме Казани прежде всего скомпрометировать русское войско, то для автора КИ факт захвата русскими многочисленных казанских «сокровищ» служил прежде всего поводом еще раз вернуться к теме исторической оправданности взятия Казани Иваном Грозным. Захват русскими войсками казанских богатств предстает в КИ как восстановление исторической справедливости: русские воины возвращают свои же русские богатства, «еже издавна казанцы воеванием себе собираша» (с. 157).

Отсюда и различие в сюжетном оформлении этого материала в КИ и «Истории» Курбского. В ПКП рассказ о поведении русских «корыстовников» вносит драматизм и напряжение в ту часть повествования, которая рассказывает о начале штурма. Он выполняет функцию своеобразного индикатора, выявляя истинных героев казанского взятия. Автор КИ, используя факт прельщения русских воинов казанскими «сокровищами», относит сцены дележа казанских богатств между русскими войсками не к началу штурма (когда, по рассказу КИ, все русское войнство доблестно сражалось на стенах с казанцами), а к тому времени, когда русские уже одержали победу над казанцами.

Иной, чем у Курбского, событийный и художественный контекст определил и иное звучание рассматриваемого фабульного материала в КИ: действия русских воинов предстают в ней как обычные в практике феодальных войн действия победителей в захваченном городе после одержанной победы.

3. Оппозиционный ряд «Грозный—Курбский»

С самого начала повествования о казанском походе Курбский так строит свой рассказ, что все действия и распоряжения руководителя похода — царя Ивана Грозного — получают косвенную характеристику благодаря их сопоставлению и противопоставлению действиям самого рассказчика — князя Андрея Курбского. При этом походные затруднения, испытанные отрядом Курбского, и особо сложные условия, в которых Курбский и его воины вели сражение с казанцами во время последнего штурма Казани, ставятся Курбским в прямую связь с конкретными рас-

поряжениями Грозного, направленными прежде всего на защиту его царской особы. Так, например, описывая переход русского войска из Муром в Свияжск, Курбский подчеркивает, что его полк был направлен царем по самому опасному маршруту — «по правой рудѣ» от колонны, возглавляемой Грозным, что делало войско Курбского своеобразным буфером в случае внезапного нападения на русских ногайских отрядов: «...по-неже мы заслониша его тѣмъ войскомъ, еже съ нами шло, отъ Заволскихъ Татаръ (бояшебоя онъ, да не приидуть на него безвѣсно тѣ княжата Нагайские)» (с. 177).

Рассказывая далее о расположении Грозным русских полков вокруг казанской крепости, Курбский снова противопоставляет невыгодность отведенной ему стратегической позиции и сравнительную безопасность того участка осады, на котором находился полк Грозного. В то время, как войско Курбского стояло «на лугу, между великими блаты» и было, с одной стороны, удобной мишенью для казанских стрелков, а с другой — страдало от «частого наѣзжания черемисаго», «великий полк» Грозного стоял «на мѣсте на погористомъ», и воины этого полка «ото внѣшняго нахождения бусурманскаго въ покою пребывали» (с. 186).

Неоднократно в рассказе о ходе осады Казани Курбский акцентирует внимание на том, как заботился Иван Грозный о своей безопасности, удерживая при себе большую часть войска (см., например, соответствующие ремарки Курбского на с. 187, 194, 201).

Задаче снижения образа Ивана Грозного в ПКП служит и исключение Курбским Грозного из событий осады как самостоятельно действующего ее организатора наряду с последовательным выдвижением на первый план собственных заслуг в казанской победе. В критические моменты штурма Казани положение спасает, по версии Курбского, не полководческий талант Грозного, а мудрые распоряжения его советников — «стратилатов» и «сигклитов» — и безоглядная храбрость братьев Курбских. Так, например, в рассказе ПКП о том, как было остановлено бегство из Казани в разгар штурма большей части русского воинства (с. 197—198), Грозному отводится только роль статиста, которого (даже без его явного согласия!) воеводы ставят с хоругвью в воротах на показ сражающимся для поднятия боевого духа русских воинов.

Интересно сопоставить данный эпизод ПКП с повествованием ЛНЦ. Рассказ Курбского отчасти перекликается с рассказом «Летописца», зафиксировавшего некоторые затруднения, возникшие в ходе штурма. Но когда Курбский переходит к изложению того, как русские вышли из своих военных затруднений, он резко расходится с составителем ЛНЦ: если последний изображает спасителем положения Ивана Грозного, немедленно принимающего меры для пресечения мародерства, то Курбский, напротив, подчеркивает растерянность и отчаяние царя, показывая его неспособным справиться в одиночку с возникшими в ходе штурма осложнениями.

Умалая заслуги Грозного, Курбский, как мы уже отмечали, одновременно подчеркивает собственные воинские успехи. Тема собственной храбрости и полководческого таланта сначала развивается Курбским в отдельных авторских отступлениях, а затем оформляется в самостоятельный рассказ, являющийся кульминационным центром повести.

Рассказывая о первых днях осады Казани, Курбский в особом отступлении подчеркивает свою тогдашнюю молодость, которая не помешала ему стать прославленным воеводой: «...аще ми и во младыхъ лѣтѣхъ сущу... за благодатию Христа моего, приидохъ къ тому достоинству не туне, но по степенемъ военнымъ взыдохъ» (с. 182—183). Описывая начало последнего штурма Казани, Курбский особо отмечает богом дарованную ему и его воинам «храбрость и крѣпость и запамятания смерти» (с. 195). Если в КИ первыми в город врываются астраханские царевичи

«с татары» (с. 151),¹⁷ то в «Истории» Курбского дорогу в город русскому войнству прокладывает небольшой отряд храбрецов во главе с братьями Курбскими.

По-видимому, Курбский сам отчетливо ощущал, что перешел границы дозволенного в изображении собственного героизма. Об этом свидетельствует особое авторское отступление, читающееся в ПКП перед рассказом о поединке Курбского с целой колонной прорвавшихся из города казанцев. В нем автор «Истории» прямо обращается к читателю, обосновывая свое право на дальнейший рассказ о чудесах собственной храбрости: «Молюся, да не возмнитъ мя хто безумна, самъ себя хваляща! Правду воистинну глаголю, и дарованна духа храбрости, отъ бога данна ми, не таю...» (с. 202).

Приведенный нами материал «Истории» свидетельствует о наличии еще одной важной линии в мемуарном сюжете ПКП. Эта сюжетная линия, в которой соотнесены были действия царя Ивана Грозного и воеводы Курбского, позволяла последнему изложить свою эгоцентрическую концепцию казанской победы и вступить в полемику с официальной историографической концепцией «казанского взятия», отразившейся в сочинениях его предшественников, — ЛНЦ, Степенной книге и КИ.

Рассмотрев развитие основных сюжетных линий ПКП, обобщим наши наблюдения и определим своеобразие интерпретации и художественного изображения Курбским казанских событий.

Принципиально иной, чем в ЛНЦ и КИ, художественный замысел, положенный в основу рассказа Курбского, — описать личный подвиг, совершенный в ходе штурма, — определил не только своеобразие освещения Курбским отдельных моментов штурма, но и саму точку зрения, с которой эти события излагаются. В ЛНЦ повествование о штурме подчинено задаче осветить прежде всего роль главного героя летописного сюжета Ивана Грозного в организации казанской победы. В КИ повествование организовано иначе: не умаляя (а в ряде случаев усиливая), по сравнению с ЛНЦ, роль Грозного как полководца, руководящего взятием Казанской крепости, автор КИ стремится осветить события не только с точки зрения русских воинов, ведущих успешное наступление, но и с точки зрения казанцев, защищающих свой город и терпящих поражение. Двупланность повествования в КИ, а также насыщенность его художественными образами, в использовании которых отчетливо проявляется индивидуальность автора, внутренняя свобода повествователя, выбирающего по своему усмотрению тот или иной тип повествования, принципиально отличаются рассказу КИ о взятии Казани от рассказа составителя ЛНЦ, еще находящегося в плену летописных приемов повествования и лишь в некоторых случаях пытающегося выходить за их рамки.

Курбский в отличие от составителя ЛНЦ и автора КИ описывает события штурма как мемуарист — со своей личной точки зрения непосредственного участника событий. Такой подход обусловил не только специфический отбор фабульного материала для мемуарного сюжета о казанском взятии, но и своеобразие его композиционной организации. Основной ряд повествования в ПКП составляют те эпизоды, в которых описывается участие самого Курбского в осадных предприятиях; весь остальной событийный материал оформляется в эпизоды, подключающиеся к основному сюжетному ряду с разными художественными целями.

¹⁷ Выдвижение в КИ на первый план в описании штурма Казани «астраханских царевичей», как показало исследование Г. Н. Моисеевой, объясняется публицистической задачей, стоявшей перед автором КИ, продиктованной социально-политической обстановкой 60-х годов, — умолчать о действительном вкладе в казанскую победу главных воевод, уже подвергшихся в момент написания КИ царской опале, и приписать их заслуги новым воеводам, вышедшим «из среды опричников и из „выезжих“ на Русь и находившихся при дворе царя иноземных царевичей» (Казанская история, с. 9).

В одних случаях, когда Курбский изображает негативные события штурма (трусость «корыстовников», временное отступление воинов, сражавшихся в той части города, где не было Курбского, и т. п.), эпизоды немемуарного ряда подключаются к основной сюжетной линии по принципу контраста, с тем, чтобы подчеркнуть героизм и военную доблесть самого автора «Истории» и его окружения. В других случаях подобные эпизоды (например, рассказ о поведении царя в критический момент штурма) вводятся для того, чтобы противопоставить мудрость царских советников беспомощности самодержца и тем самым донести до читателя одну из центральных идей «Истории» — необходимость для государя руководствоваться добрым советом своих вельмож. Таким образом, локальный сюжет «казанского взятия» связывается с произведением в целом. Эпизоды третьей группы включаются в мемуарный сюжет, чтобы развить тему воинской доблести представителей лагеря Курбского. К таким эпизодам в первую очередь следует отнести рассказ Курбского о героизме своего брата, непосредственным свидетелем которого он не был.

Биографический и небιοграфический материал объединяется в ПКП и системой рассмотренных выше оппозиций. В итоге Курбским создается сложная повествовательная структура, в которой события и действующие лица сюжетно соотношены друг с другом и эта их взаимная соотношение отчетливо выражает авторскую позицию.

Сопоставляя КИ и ПКП по степени беллетризованности их повествования, необходимо отметить, что сюжет КИ гораздо больше соответствует тому содержанию этого понятия, которое вкладывается в него исследователями применительно к средневековой беллетристике. В КИ мы находим почти все приемы сюжетного повествования, выделяемые исследователями при анализе средневековых литературных текстов, в той или иной мере принадлежащих к памятникам беллетристики: использование «сильных» деталей, «сюжетной» прямой речи, «замедление действия», описание жизненных «перипетий» героя. В КИ мы находим не простое изложение фактов, а представление их в лицах, зримые образы персонажей, психологическую мотивированность их слов и поступков и т. д. Этот материал, в данной статье специально не рассмотренный, нуждается в тщательном изучении.

Не все из перечисленных приемов одинаково активно используются автором КИ. В меньшей степени использовались им те приемы сюжетного повествования, которые служат задаче чистой развлекательности, так как перед автором КИ стояла иная идейно-художественная задача — с помощью сюжета донести до читателя серьезные политические идеи, принятие которых увеличивало лагерь сторонников «великого самодержца» Ивана Грозного.

Князь Андрей Курбский, напротив, поставил целью в своем литературном труде развенчать Ивана Грозного — своего политического врага — и как государственного деятеля, и как военачальника. «И поскольку в древней Руси задача последовательного развенчания тирана была поставлена впервые, — созданное Курбским произведение не могло уместиться ни в один из „старых“ традиционных жанров литературы».¹⁸ Так же как и автор КИ, Курбский подчиняет своему художественному замыслу разнообразный литературный материал, смело соединяет элементы воинского повествования с описаниями природы и ландшафта, сделанными в духе географической литературы, «похвалу», построенную по типу летописных посмертных панегириков князьям, — с публицистическими рассуждениями и замечаниями. Однако этот разножанровый (как и в КИ) материал выстраивается Курбским, как показало сопоста-

¹⁸ Лихачев Д. С. Стиль произведений Грозного и стиль произведений Курбского, с. 210.

вительное изучение обоих памятников, в иное, чем у автора КИ, художественное единство.

Появление в XVI в. таких произведений, как КИ и «История» Курбского, в которых авторская личность уже явственно обнаруживает себя в художественном повествовании, не было случайным. XVI век характеризуется чрезвычайно активным развитием публицистической мысли. В художественных и публицистических произведениях ставятся наиболее важные проблемы современности. При этом в литературе отчетливо прослеживается личная писательская точка зрения на исторические события, которая, хотя и определялась классовой позицией писателя, но уже «заключала в себе индивидуальные особенности и требовала индивидуального литературного оформления».¹⁹ Все эти черты отчетливо проявились не только в публицистике, но и в историко-литературных произведениях XVI в. — КИ и «Истории о великом князе Московском» Андрея Курбского, в которых публицистические задачи нашли своеобразное художественное решение в рамках созданных ими новых жанров историко-публицистического повествования.

¹⁹ Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII вв.: Эпохи и стили. Л., 1973, с. 134.